

Виктор Драницин

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ vs. КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ: ЕЩЕ РАЗ ПРО ОБИДЫ, КЛЕВЕТУ И ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

«Сколько их, мерзких сплетен!.. И сколько их было при жизни Володи...», – сетовала в свое время Лилия Юрьевна Брик, однако и ей самой, вольно или невольно, суждено было стать распространительницей одной сплетни о поэте, авторство которой было ею приписано Корнею Чуковскому, чудесным образом не подозревавшему об этом и поддерживавшему с Л. Брик самые дружественные отношения до конца своей жизни.

Предыстории возникновения этой сплетни, а также рассмотрению ряда конфликтных эпизодов в отношениях Маяковского и Чуковского посвящена обстоятельная работа Евгении Ивановой¹, к которой мы отсылаем тех, кто захочет ознакомиться с документальным массивом по данной теме в максимально полном объеме; здесь же ограничимся попыткой собственной реконструкции четырех эпизодов:

- 1) проследим перипетии «закулисных» отношений в рамках условного «четырехугольника» (Чуковский – Софья Шамардина – Игорь Северянин – Маяковский);
- 2) попробуем разобраться в истории происхождения и циркуляции в конце 1910-х – начале 1920-х годов «двойной» клеветы (клеветы Я. Израилевича на Маяковского, а затем Л. Брик на Чуковского);
- 3) поразмышляем над тем, что послужило причиной или поводом к написанию стихотворения Маяковского «Гимн критику», и рассмотрим позднейшую «мистификацию» Чуковского, с ним связанную;
- 4) рассмотрим бегство поэта из Куоккалы в начале июля 1915 года в связи с «семейным преданием» Чуковских о его романе с М. Б. Чуковской.

Свою задачу мы видим не в том, чтобы дать окончательные ответы на те или иные вопросы (предлагаемая нами реконструкция событий, как любая реконструкция, наверняка грешит какими-то недочетами) – куда важнее, на наш взгляд, обозначить

¹ *Иванова Е.* Чуковский и Маяковский // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 2: Проблемы текстологии и биографии. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 164 – 197.

круг вопросов, не получивших до сих пор удовлетворительного ответа и до сих пор дающих почву для разного рода бульварных спекуляций.

Прежде, чем переходить к нашему первому сюжету, напомним об одном эпизоде из истории русского футуризма, имеющим непосредственное отношение к нашей теме: в феврале 1914 года, в альманахе «Рыкающий Парнас», был опубликован очередной манифест футуристов-«будетлян» под выразительным названием «Идите к чёрту», призывавший сбрасывать с «парохода современности» уже не классиков (как в «Пощечине общественному вкусу»), а современных литераторов и критиков из «буржуазно-мещанской» среды, «*взрастившей*, – по выражению Алексея Кручёных, – *оранжереи акмеизма, аполлонизма, арцыбашевской и кузминской порнографии*»².

Манифест подписали в алфавитном порядке шесть поэтов: Давид Бурлюк, Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц, Владимир Маяковский, Игорь Северянин, Виктор Хлебников. Написан он был в середине декабря 1913 года, в период временного объединения «кубо» и «эго» футуристов, ознаменованного, в частности, «признанием» Маяковским и Северяниным друг друга поэтическими гениями; «признанием», худо-бедно продержавшимся около месяца: уже в середине января 1914-го, в совместном турне по Крыму, два честолюбивых поэта-эгоцентрика только что не подрались, не поделив пальму первенства на *Голгофе аудиторий* южных городов России (По горячим следам той ссоры Северянин напишет в «Поэзе истребления»: *Меня взорвало это “кубо”, / В котором всё бездарно сплошь, – / И я решительно и грубо / Ему свой стих точу, как нож...*).

Что касается манифеста, то «к чёрту» в нём, в частности, посылались так называемые «коммерческие старички», якобы «присосавшиеся» к славе футуристов: Корней Чуковский (за свои лекции о «ходком товаре»: о «кубо» и «эго»), Федор Сологуб (за желание «присосаться» к Игорю Северянину)³ и *Василий*⁴ Брюсов (за «привычное жевание» поэзии футуристов на страницах «Русской мысли»).

² Крученых А. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Подг. текста и комм. Н. Гурьяновой. – М.: Гилея, 2006. С. 140.

³ В первом варианте манифеста был окрещен *Ф. Губосалом*, который-де «схватил шапку И. Северянина, чтобы прикрыть свой облысевший талантлик».

⁴ «Василий – не опечатка, а озорство: поэт любил свое имя, вводил его в стихи, злоупотреблял его благозвучием...» (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. – Л.: Сов. писатель, 1989. С. 459).

Вкратце напомним о взаимоотношениях кубофутуристов и Чуковского в сезон 1913/1914 гг.

«Отношение мое к футуристам было в ту пору сложное, – писал Корней Иванович в мемуарном очерке о Маяковском: – я ненавидел их проповедь, но любил их самих, их таланты»⁵.

Публично кубофутуристы «валили» его в «общую кучу своих оголтелых противников, <...> обзывая и паяцем, и копрофагом⁶, и еще бог весть как», но privately очень даже неплохо с ним ладили, хотя и не могли между собой решить вопроса, кто к кому, собственно, «присосался».

Бенедикт Лившиц вспоминал:

«В наших нескончаемых перебранках было больше веселья, чем злобы. <...>. О чем нам никак не удавалось договориться, это о том, кто же кому обязан деньгами и известностью. Чуковский считал, что он своими статьями и лекциями создает нам рекламу, мы же утверждали, что без нас он протянул бы ноги с голоду, так как футуроедство стало его основной профессией. Это был настоящий порочный круг, и определить, что в замкнувшейся цепи наших отношений является причиной и что следствием, представлялось совершенно невозможным»⁷.

Вот характерный в этом смысле отзыв о лекции Чуковского в аудитории Политехнического музея – из газетной хроники конца октября 1913 года:

«Он смеялся над ними, но все-таки они были темой смеха, – как же им было не радоваться? Полный зал покатывался со смеху, следя, как Чуковский хлещет эту компанию словесных блудодеев, – но все-таки этот полный зал собрался, чтобы послушать лекцию о них, – как же им было не ликовать?...»⁸.

Как бы ни была «весела» перебранка кубофутуристов с Чуковским по принципиальным вопросам, велась она порой на самом острие ножа и вполне могла опуститься на уровень личных оскорблений, если бы не умение критика вовремя подслащивать свои пилюли, сочетая кнут с пряником. Называя, например, Василия Каменского «поэтом-семилеткой с примитивной психикой», а Алексея Крученых «поэтом-свинофилом» и «дикарем», критик тут же оговаривался, что этих поэтов сформировала

⁵ Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5: Современники / Сост. и коммент. Е. Чуковской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 230.

⁶ «Бедняга, с каким аппетитом набросился он на крученыховские “испарь свинины” и “навоз”!» (Лившиц Б. Дубина на голове русского футуризма // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. – М., 1914. № 1-2. С. 103).

⁷ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 439.

⁸ Яблоновский С. Шампанское в плошку // Русское слово. 1913. № 246. 25 октября. С. 5.

современная эпоха, и что, как выразители ее безумия, «они огромны»; называя Маяковского «симулянтом сумасшествия», он спешил оговориться, что он любит его «конвульсии, судороги и сумасшедше-пьяные всхлипы», и что за его «сумасшествием» видит ударную «мощь косноязычия»:

«Это кликуша, неврастеник, горластый, ему бы метаться по площади и кричать, рыдая: гниды вы! Его синтаксис бессвязен, его слова сумасшедшие, но в них ударность, надрыв. И его косноязычие только придает ему мощь...»⁹.

Маяковского, однако, словесная эквилибристика Чуковского стала довольно быстро раздражать – дошло до того, что само имя «кусачего» критика стало вызывать у него что-то вроде идиосинкразии.

В газетной хронике за ноябрь 1913 г. читаем:

«По собственным словам Маяковского, когда ему говорят, что он дурак, – он не сердится, шарлатан – тоже, мерзкий щенок – тоже, но если при нем упомянуть имя Корнея Чуковского, то он... загорается»¹⁰.

Летом 1915 года на критика с носом, хорошеньким, как построчный пяточок, поэт напишет «шуточный» пасквиль, о котором будет сказано ниже, но начнем мы с истории о другой «обиде», нанесенной юным поэтом «коммерческому старичку» поздней осенью 1913 года. Формально она не имела «литературной» подоплеки: тридцатилетнего «старичка» задело то, что двадцатилетний «гений» отбил у него «знакомую курсистку» Софью Шамардину, к тому же еще и «забеременив» ее, и заразив «страшным триппером», о чем в феврале 1914-го Чуковский сообщил писателю С.Н. Сергееву-Ценскому, своему многолетнему соседу по куоккальской даче.

И мы в любовь, как в грезоломню...

...И, наконец, ты помнишь Сонку,
Почти мою, совсем твою,
Такую шалую девчонку,
Такую нежную змею?..

Игорь Северянин «В. Маяковскому»

⁹ Чуковский К. Образцы футуристических произведений. Опыт хрестоматии // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». – СПб., 1914. Кн. 22. С. 147.

¹⁰ <Б.п.> Футуристы // Русское слово. 1913. № 261. 12 ноября. С. 7.

В начале ноября 1913 г., в Петербурге, после своей лекции о футуристах в Женском медицинском институте, на которой присутствовал и полемизировавший с ним Маяковский¹¹, «коммерческий старичок» познакомил его с 18-летней курсисткой Соней (Сонкой) Шамардиной¹², с которой сам познакомился в сентябре того же года, во время своего турне по Белоруссии с лекциями на тему «Позорная и страшная литература наших дней (эгофутуристы и кубофутуристы)»¹³ (В Москве и Петербурге лекции Чуковского о футуристах именовались более презентабельно: «Искусство грядущего дня!»). Много позже он рассказывал, что родители девушки, собиравшейся поступать на Бестужевские курсы, сами попросили его опекать дочку в Петербурге, знакомить ее со столичными писателями и т. д. Первым делом Чуковский познакомил ее в столице с другим «опекуном», своим влиятельным другом, 35-летним журналистом и меценатом Аркадием Румановым¹⁴. Руманов около четырех лет, до своей эмиграции, был верным конфиденнтом Сони, хотя удержать ее от всякого рода «увлечений» был, конечно, не в силах. Его, как белоэмигранта, Шамардина побоялась упомянуть в своих поздних воспоминаниях, но ее письма 1914 – 1917 гг. в архиве Руманова сохранились (РГАЛИ. Ф. 1694). (Чуковский, начиная с 1920-х годов, также не рисковал упоминать о бывшем друге в своих статьях, окрестив его даже как-то «бездушным газетно-журнальным дельцом»¹⁵).

¹¹ Газетный репортер отметил, в частности, утверждение Чуковского, что «поэзия демократии, поэзия будущего есть поэзия святости, святой человеческой личности», – на что Маяковский пробасил в ответ: «Поэзия – это то, что разрушает вековые ценности, которыми гордится старая культура. И только та поэзия демократична, которая разрушает старую психологию плоских лиц и душ» (*Б.п.* > Среди футуристов // *День*. 1913. № 303. 8 нояб. С. 3).

¹² Шамардина Софья Сергеевна (1894 – 1980) – партийный советский работник, семнадцать лет (1937 – 1954) провела в сталинских лагерях. Скончалась в пансионате старых большевиков в Переделькино. Из ее воспоминаний: «Маяковского увидела и услышала первый раз осенью 1913 года в Петербурге в Медицинском институте. Лекцию о футуристах читал К. Чуковский, который и взял меня с собой в институт, чтоб показать живых, настоящих футуристов» (*Шамардина С.* Футуристическая юность // *Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском.* – М.: Дружба народов, 1993. С. 9).

¹³ См.: *Виленский курьер – наша копейка*. 1913. № 1501. 17 сентября.

¹⁴ Руманов Аркадий (Абрам) Вениаминович (1878 – 1960) – юрист, меценат, видный журналист, в то время – зав. петроградским отделением московской газеты «Русское слово», правая рука издателя И. Д. Сытина; работал также в «Биржевых ведомостях», руководил журналом «Нива» и т. д. С конца 1918 г., после ряда арестов – эмигрировал в Англию, а затем во Францию. О взаимоотношениях Чуковского с Румановым см: *Яковлева Е.* Корней Чуковский и Аркадий Руманов: к истории взаимоотношений // *Звезда* 2008. № 3.

¹⁵ Там же.

Соня осенью 1913-го уже знала и декларировала наизусть несколько стихотворений Маяковского, а потому знакомство с «живым, настоящим футуристом», немедленно потащившим ее в «Бродячую собаку», сразу вскружило ей голову.

Чуковский в 1960-е годы рассказывал Зиновию Паперному:

«Они с Маяковским сразу, с первого взгляда, понравились друг другу. В кафе он расплел, рассыпал ее волосы и заявил:

– Я нарисую Вас такой!

Мы сидим за столиком, они не сводят глаз друг с друга, разговаривают, как будто они одни на свете, не обращают на меня никакого внимания, а я сижу и думаю: что я скажу ее маме и папе?»¹⁶.

До этого, весной 1913 года, в своем родном Минске, Соня познакомилась еще с двумя «живыми» поэтами: с гастролировавшими там Федором Сологубом (кумир не-много разочаровал своей лысиной и бородавками, но не своими стихами) и Игорем Северяниным. Похоже, что именно желание продолжить знакомство с последним (подарившим ей с дарственной свой «Громокипящий кубок»¹⁷) и было главной целью ее поездки в столицу осенью того же года – о чем ни ее родители, ни Чуковский (или Чукс, как она его называла) не подозревали.



Соня Шамардина. Фото 1913 (?)

В поздней автобиографической поэме «Колокола собора чувств» (1925) Северянин вспоминал о ее октябрьском визите к нему:

Звонок. Шаги. Стук в дверь. “Войдите!” –

¹⁶ Паперный З. «Если я чего написал...» // Знамя. 1998. № 6. = <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/papern.html>

¹⁷ «Софье Сергеевне Шамардиной – ласково и грустно автор И. Северянин» (Иванова Е. Чуковский и Маяковский. С. 168).

И входит девушка. Вуаль
Подняв, очей своих эмаль
Вливает мне в глаза, и нити
Зеленобронзовых волос
Капризно тянутся из кос.
Передаёт букет гвоздики
Мне в руки, молча и бледна,
Ее глаза смелы и дики:
“Я Сонечка Амардина” –
Я вспомнил Минск, концерт, эстраду,
Аплодисментов плесткий гул,
И, смутную познав отраду,
Я нежно на нее взглянул.
“Вы помните?” – “О да, я помню...”
“И Вы хотите?” – “Да, хочу...”
И мы в любовь, как в грезоломню,
Летим, подвластные лучу
Необъяснимого влеченья
И, может быть, предназначенья
Повелевающей судьбы,
Ее покорные рабы.

Полету в *грезоломню* с *Сонечкой Амардиной* Северянин посвятил почти весь октябрь 1913-го (*Она ко мне по вечерам / Ходила чуть не ежедневно*¹⁸), но встречаться курсистке со своим кумиром приходилось порой в весьма неромантической обстановке: под аккомпанемент вздохов матери поэта и плача ребенка его сожительницы из соседней комнаты¹⁹. Куда веселее, очевидно, Соня чувствовала себя в мебелирашках «Пале-

¹⁸ Строки из поэмы «Колокола собора чувств».

¹⁹ Из воспоминаний С. Шамардиной: «На поэзоконцертах его бывала редко, но домой к нему в тот сентябрь заходила. Было довольно грустно от грустного лица жены, от вздохов матери. Иногда плакал ребенок...» (*Шамардина С. Футуристическая юность*. С. 19). Со слов Федора Сологуба Ф.Ф. Фидлер запишет в дневнике 17 октября 1913 г. об отказавшемся год назад признавать свое отцовство от некоей «дочки какого-то портъе» Северянине: «Теперь у него сын от какой-то портнихи; он и в этот раз хотел отречься от матери с ребенком, но Сологуб и Чеботаревская уговорили его взять обоих к себе. Теперь “жена” содержит его трудом своих рук, сам же он существует лишь за счет своих родственников, предоставляющих ему бесплатное жилье и 50 рублей ежемесячно (которые он пропивает); никакого гонорара за стихи он не получает...» (*Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения* / Сост., пер. с нем. К. М. Азадовского. – М.: НЛО, 2008. С. 610).

Рояля» с Маяковским, на свидания с которым, втайне от Северянина и от Чуковского, бегала в ноябре – благо Маяковский всю вторую половину месяца, в преддверии премьеры своей «Трагедии» в Луна-парке, жил в Петербурге: Шамардина посещала все его выступления, ходила с ним в «Бродячую собаку» (Борис Пронин вспоминал, как там *«появилась необычайной, невероятной красоты девушка, <...> Маяковский был искренне влюблен...»*²⁰), посещала репетиции «Трагедии», ночевала с ним на своей съемной квартире и т. д.

В своих воспоминаниях она пишет, что посещала с ним и Северянина, утверждая при этом, что тот не знал о ее отношениях с Маяковским, и утверждая также, что Северянин и Маяковский «признали» друг друга в конце 1913 года только потому, что именно она их и познакомила, оговариваясь, впрочем, что «не помнит», как это произошло²¹. Не помнил этого и Северянин: *«Я не помню, как мы познакомились с Володей; не то кто-то привел его ко мне, не то мы встретились на одном из бесчисленных вечеров-диспутов в СПб»*²².

Как бы то ни было, известно, что 16 ноября 1913 г., в числе других поэтов, они выступали на Бестужевских курсах, превратив концерт, по словам Бенедикта Лившица, в турнир между собою: *«Оба читали свои лучшие вещи, стараясь перецезголять друг друга в аудитории, состоящей сплошь из женщин»*²³.

«Признание» поэтами друг друга, как было уже сказано, длилось недолго (позже, когда страсти улягутся, Северянин скажет: *«Никто из нас не желал уступать друг другу»*), недолгим оказалось и их любовное увлечение «прелестной курсисткой» – кем из двух поэтов сильнее увлеклась она сама, гадать не будем. По факту – вопреки своему желанию «быть сестрой»²⁴ Маяковского, Шамардина забеременела от него уже в конце ноября, не в силах противиться его «просьбам» (*я – весь из мяса, / человек весь – тело твое прошу, как просят христиане – “хлеб наш насущный даждь нам днесь”*²⁵). Хо-

²⁰ Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. – Л.: Наука, 1985. С. 198.

²¹ Шамардина С. Футуристическая юность. С. 19 – 21.

²² Северянин И. Заметки о Маяковском // Он же. Стихотворения и поэмы. 1918 – 1941 / Сост. Ю. Шумакова. – М.: Современник, 1990. С. 399. Б. Лившиц в своей мемуарной книге утверждает, что его и Маяковского познакомил с Северяниным в Петербурге Николай Кульбин, «умудрявшийся сохранять дружеские отношения с представителями самых противоположных направлений» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 452).

²³ Там же. С. 457.

²⁴ Шамардина С. Футуристическая юность. С. 16.

²⁵ Строки из поэмы «Облако в штанах».

тя знал ли сам поэт о том, что его *Сонечка сестра*²⁶ забеременела – и узнал ли об этом позже – вопрос открытый (сама она то ли не захотела, то ли не успела ему об этом сообщить). Как бы то ни было, получив от нее *просимое*, поэт, судя по всему, слегка к ней подостыл, к тому же в середине декабря он уехал в Москву, а затем – с Давидом Бурлюком и Василием Каменским – в Харьков, на гастроли.

После «грехопадения» Соню ожидало строгое внушение от Чукуса в его куоккальской бане (домой он ее, как семейный человек, пригласить не мог, и переписку с ней вел втайне от жены, через Руманова). Как пишет Шамардина в своих воспоминаниях, она в чем-то Чуковскому «исповедалась», а он якобы взял с нее слово, что она не будет больше встречаться с Маяковским, наговорив при этом о нем якобы «всяких ужасов»²⁷.

В чем именно она «исповедалась», что именно от нее узнал Чуковский – можно только догадываться: по крайней мере о ее беременности, в отличие от Маяковского и Северянина, он точно узнал, как и Руманов, в одном из писем которому, уже из Минска, в январе 1914-го, Соня давала поручение и своему Чукусу:

*«Чукс, пожалуйста, если Вам не очень трудно, купите Монтеessori “Дом ребенка” и пошлите по следующему адресу: Местечко Ивенец Минской губ. <...> или попросите Руманова»*²⁸.

Про то, что Чуковский наговорил ей о Маяковском «всяких ужасов» – верится плохо: лично он был знаком с ним меньше месяца и встречались они только во время совместных выступлений.

(В скобках отметим одну странную особенность воспоминаний Шамардиной: если в ее письмах к Аркадию Руманову звучит неизменная нота благодарности Чуковскому за его помощь, поддержку и т. д., то в ее воспоминаниях эта нота, как отметила Евгения Иванова, напрочь отсутствует²⁹, что навело исследовательницу на вполне резонное предположение о том, что воспоминания Шамардиной подверглись поздней

²⁶ Фразу *У меня есть Сонечка сестра!* из трагедии «Владимир Маяковский» комментаторы, как правило, связывают с «чувством» ее автора к С. Шамардиной, однако стоит обратить внимание на то, что произносит ее не главный герой, а суетливо-боязливый «обыкновенный молодой человек», испуганный, в частности, словами героя о том, что тот *В гное моргов искал сестер, / Целовал узорно больных*. Стоит также отметить, что трагедия была написана еще до знакомства поэта с «сестрой», в октябре 1913 г. Очевидно, строка с *Сонечкой сестрой* была вписана позже, уже в законченный текст.

²⁷ Шамардина С. Указ. соч. 21.

²⁸ Цит. по: Иванова Е. Чуковский и Маяковский. С. 174.

²⁹ Там же. С. 176.

«редактуру»: примечательно, что сохранились они лишь в виде неавторизованного машинописного варианта в архиве Лили Юрьевны Брик, при этом авторская рукопись воспоминаний в том же архиве бесследно исчезла³⁰).

В начале декабря 1913-го Соня уехала в Минск (чего требовали уже и ее родители), а Маяковский – вместе с Давидом Бурлюком, «поэтом-авиатором» Василием Каменским, Северяниным и «меценатом» Вадимом Баяном³¹ – отправился в конце декабря в турне по южным городам России (Симферополь – Севастополь – Керчь – Одесса – Киев). Именно в этом турне, в середине января 1914-го, он и поссорился с Северяниным³², который в конце января пустился уже в свое «сольное» турне по югу России (Екатеринослав – Елисаветград – Одесса) – в компании с тем же Баяном, «критиком-интуитом» Виктором Ховиным, и... срочно вызванной из Минска *Сонечкой* – в качестве «артистки-футуристки».

Шамардина, несмотря на беременность, не смогла отказаться от предложения прославленного повсеместно поэта, но в турне всю дорогу терзалась непонятной Северянину тоской (*Сердце смято / Большим несчастьем, но каким – / Не спрашивай: я не отвечаю...*³³), отказывала ему в физической близости (*Ты меня совсем измучила, может быть, сама не ведая...*³⁴) – а в Одессе случилось уже нечто, всех напугавшее: «артистка-футуристка» Эсклармонда Орлеанская прямо на сцене потеряла сознание, после чего целый день металась в температурном бреде в своем гостиничном номере. Местные врачи ничем ей помочь не смогли и потому всей «группе» пришлось срочно возвращаться в Петербург³⁵, где «артистку-футуристку» – где-то в середине февраля – поместили в лечебницу на Вознесенском проспекте. Чуковский об этой новости узнал,

³⁰ Там же. С. 165 – 166, 177 – 178.

³¹ Наст. фам. и имя: Сидоров Владимир Иванович (1880 – 1966) – поэт, прозаик, литературный критик, театральный художник. В январе 1914 г. – главный спонсор «Первой Олимпиады Футуристов».

³² Версии этой ссоры см.: Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сб. / Сост. и комм. С.В. Шумихина. – М.: Моск. рабочий, 1990. С. 491 – 492; *Баян В.* Маяковский в Первой Олимпиаде Футуристов // Игорь Северянин глазами современников / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Терехиной и Н. Шубниковой. – СПб: ООО «Полиграф», 2009. С. 133 – 134, 139 – 140.

³³ Строки из поэмы «Колокола собора чувств».

³⁴ Строка из стихотворения «Никчемная» (1914).

³⁵ В. Баян позже утверждал, что возвращение в Петербург было вызвано банкротством гастрольного турне (См.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907 – 1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. – М.: НЛЮ, 2010. С. 448; *Поливанов К.* Два турне Игоря Северянина // Он же. Пастернак и современники. Биографии. Диалоги. Параллели. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 119 – 122).

вероятно, от Руманова, который, благодаря своим связям, и помог устроить ее в больницу.

«Двойная» клевета, ее происхождение и циркуляция

В том же феврале Чуковский, видимо, уже после посещения лечебницы, писал С. Н. Сергееву-Ценскому в расстроенных чувствах:

«Водился осенью с футуристами: Хлебников, Маяковский, Крученых, Игорь Северянин были мои первые друзья, – теперь же, после того, как Маяковский напоил и употребил мою знакомую курсистку (милую, прелестную, 18-летнюю) и забеременил, и заразил таким страшным триппером, что она теперь в больнице, без копейки, скрываясь от родных, – я потерял к футуристам аппетит»³⁶.

Информацию о «страшной» болезни Чуковский мог получить или от врачей, или от Руманова, или от самой «прелестной курсистки» – едва ли он в данном случае «добросовестно заблуждался» или сознательно клеветал на Маяковского, на что глухо намекается в воспоминаниях Шамардиной. Обратим внимание и на адресата Чуковского – частого гостя Куоккалы, писателя Сергеева-Ценского. Непонятно, какой «интерес» мог преследовать Чуковский своей якобы «клеветой» на Маяковского в письме к человеку, который с поэтом знаком не был и от футуристической среды был более чем далек.

Между тем в воспоминаниях Шамардиной читаем:

«В развитии дальнейших наших отношений с Маяковским нехорошую роль сыграл К.И. со своей бескорыстной “защитой” меня от Маяковского. Тут была даже клевета (хотя, может быть, он и сам верил в то, что говорил)»³⁷.

Однако на самом деле никаких проблем «развитию дальнейших отношений» Шамардиной с Маяковским критик не создавал: Шамардина продолжала изредка встречаться с поэтом и в 1914 – 1917 гг., когда уже была замужем и родила ребенка;

³⁶ Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. Письма 1903 – 1925 / Сост. Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 328. Ранее письмо ошибочно было датировано 25 февраля 1915 года, но и датировка его «по содержанию» 12 (?) февраля 1914 г. также нуждается еще в уточнении. Что касается «венерической» проблематики, то в монографиях и статьях о Маяковском она, как правило, табуируется или освещается весьма поверхностно и противоречиво. В частности, в монографии о поэте Д. Быкова, в главе «Двенадцать женщин. Сонка» (С. 171) голословно утверждается, что Маяковский был непричастен ни к беременности Сонки, ни к ее заражению, однако в главе «Современники: Горький» (С. 195) эти «заурядные факты» уже не оспариваются.

³⁷ Шамардина С. Указ. соч. С. 20 – 21.

встречались они в Москве и позже: в 1920-е гг., когда Шамардина была уже партийным работником (Маяковский смеялся: «Сонка – член горсовета!»³⁸). Если верить ее воспоминаниям, в 1922 году именно Маяковский рассказал ей о «клевете» Чуковского: о том, как тот «информировал» Горького о том, что Маяковский “совратил” и заразил девушку, а потом шантажировал ее родителей. <...> Горький даже где-то как будто публично говорил об этих “ужастях”»³⁹.

В позднем изложении Лили Брик эта история выглядела так: в 1919 (1918?) Чуковский доложил Горькому – то ли из мести поэту⁴⁰, то ли преследуя некие своекорыстные цели⁴¹ – что Маяковский изнасиловал-де и заразил сифилисом (уже сифилисом!) некую юную девицу (имя Шамардиной подразумевалось, хотя называлось не всегда). Горький, в свою очередь, тогда же поделился этой «новостью» с наркомом просвещения Луначарским, который после этого как-то вдруг, по словам Л. Брик, раздумал приглашать Маяковского на работу в Наркомпрос и «почти» перестал с ним здороваться⁴². Узнав о хождении сплетни в горьковском кругу, Л. Брик и Виктор Шкловский явились к «Буревестнику» для объяснений – тот, слегка сконфузившись, сослался на информацию от некоего лица, в свою очередь получившего ее от некоего «доктора», адрес которого ему якобы был неизвестен. На повторное обращение Л. Брик по этому вопросу он ответил запиской:

*«Я не могу еще узнать ни имени, ни адреса доктора, ибо лицо, которое могло бы сообщить мне это, выехало на Украину с официальным поручением»*⁴³.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Некоторые исследователи «мстят» датируют не 1918-м, а 1914-м годом: именно тогда-де «торжествующий» Чуковский, «в какой-то мере расстроил отношения соперника и его возлюбленной, да еще почти насильно заставил ее сделать аборт!» (Икшин Ф. Лиля Брик. Жизнеописание великой любовницы. – М.: Эксмо, 2008. С. 304).

⁴¹ «Что побудило Чуковского ровно четыре года спустя – ни с того, ни с сего – трансформировать “исповедь” [Шамардиной] в сплетню, сославшись на рассказ неведомого врача, и отправиться с ней к Горькому?...» (Ваксберг А. Загадка и магия Лили Брик. – М.: Изд-во Астрель, 2003. С. 61).

⁴² Маяковский в переписке современников // Встречи с прошлым. Вып. 8. – М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 394. Отношения с Луначарским у Маяковского, впрочем, скоро так или иначе наладились, а вот с Горьким короткий период восторженного почитания (с обеих сторон) сменился после этого многолетним периодом холодной войны.

⁴³ Горький М. Полное собр. соч. Письма в 24 т. Т. 12. – М.: Наука, 2006. С. 2017. Шкловский в воспоминаниях о Маяковском мало что добавляет к рассказу Л. Брик: «Горькому сказали про Маяковского, что Володя обидел женщину. Я приехал к Алексею Максимовичу с Л. Брик. Конечно, Горькому разговор был неприятен, он стучал пальцами по столу, говорил: “Не знаю, не знаю, мне сказал очень серьезный товарищ. Я вам назову его имя, мне его передадут”. Л. Брик смотрела на Горького, яростно улыбаясь. Фамилии товарища Алексею Максимовичу не сказали,

Как было сказано выше, версию о Чуковском-«информаторе» в 1922 году Шамардиной изложил якобы сам Маяковский, что плохо вяжется с его «каноническим» образом. Сплетничать он, как известно, «ужасно не любил». Осип Брик свидетельствовал: «Был совершенно немелочный (ненавидел сплетни), во всем широта и размашистость, цельность, “глыбистость”»⁴⁴. И Роман Яacobсон утверждал, что Маяковский «никогда не сплетничал, ни о себе, ни о других. Он вообще не разговаривал»⁴⁵. Здесь имеются в виду разговоры на всякие мелкобытовые и сугубо личные темы.

Но в воспоминаниях Шамардиной поэт еще как «разговаривает»:

*«И после этого ты бы видела, – развивает он у нее свой рассказ о “сплетнике”, – как меня, распластываясь, встречал Чуковский в Пушкинском доме в Петрограде – ходил за мной по пятам, чуть ли не полотенце за мной носил – Владимир Владимирович, Владимир Владимирович!..»*⁴⁶.

Вероятнее всего, здесь имеется в виду их встреча в Доме искусств в начале декабря 1920 года. Плохо верится, однако, что реальный, «нешамардинский» Маяковский уже тогда подозревал Чуковского в «информаторстве»: уж слишком для него добродушно, пусть и с легким сарказмом, признавался он в любви к критику в зимнем Петрограде 1920-го (см. ниже), тогда же, кстати, пообещав устроить его сына Николая на работу в «Окна сатиры РОСТА» и т. д.

Да и никто из окружения поэта, на рубеже 1920-х, на Чуковского как «информатора» не указывал и непонятно, почему именно его Л. Брик заподозрила позже в «посредничестве» между Горьким и мифическим «доктором». Можно лишь предположить, что уже в 1922 – 1923 гг.⁴⁷ ей каким-то образом стало известно письмо Чуковского 1914 года с упоминанием «страшной» болезни. Примечательно, что биограф Маяковского Б. Янгфельдт в начале 1980-х напрямую увязал клевету 1919 (1918?) года с «клеветой» 1914-го: «Об этой истории рассказала мне Л.Ю. Брик, о ней сообщается в

и он на обороте письма к нему Л. Брик написал несколько слов, что адреса так и не узнал. <...> В дело была пущена самая обыкновенная клевета» (Шкловский В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1974. С. 78).

⁴⁴ Спивак М. Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г.И. Полякова). – М.: Аграф, 2001. С. 446.

⁴⁵ Яacobсон Р. Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. – М.: Гилея, 2012. С. 107.

⁴⁶ Шамардина С. Указ. соч. С. 28.

⁴⁷ Примечательна в этой связи ее реплика про «разных чуковских» в письме Маяковскому от 7 февраля 1923 г. (Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915 – 1930: Репринт. изд. – М.: Книга, 1991. С. 106).

воспоминаниях С. С. Шамардиной (<...> именно о ней шла речь в “информации” Чуковского)»⁴⁸. Рассказывая эту историю (уже ставшую «пластинкой») Бенедикту Сарнову, Соломону Волкову, Зиновию Паперному и другим знакомым в 1960-е годы, Лиля Юрьевна сама напрямую связывала «информацию» Чуковского 1914 года с последующей «информацией» 1919 года. Чуковский, по записи Сарнова с ее слов, уже в 1914 году «стал говорить направо и налево о том, какой, мол, Маяковский негодяй, – наполнил и соблазнил невинную девушку, обрюхатил и даже – будто бы – заразил дурной болезнью»⁴⁹. А затем «это всё дошло до Горького», который – цитируем уже Соломона Волкова – «отказался говорить, откуда эта вся история до него дошла, хотя сейчас ясно (!), что источником был так или иначе Корней Чуковский»⁵⁰.

При этом Бенедикт Сарнов так и не смог понять, по собственному признанию, была ли Шамардина на самом деле заражена Маяковским «дурной болезнью», или Чуковский возвел напраслину на него, «чтобы дезавуировать соперника»⁵¹.

Если мы вспомним, что сама Шамардина узнала о «сплетне» Чуковского только в 1922 году от (якобы) Маяковского, то окажемся в замкнутом круге...

Открытым остается и вопрос о том, когда именно Л. Брик и Виктор Шкловский узнали имя настоящего клеветника. Представим его: Яков (Жак) Львович Израилевич (1872 – 1942?), в то время – секретарь гражданской жены Горького М. Ф. Андреевой (курировавший что-то там по театральной части в Петросовете); весьма назойливый ухажер Лили, а до этого и Эльзы (при этом их дальний родственник⁵²), с которым у ревнивого Маяковского летом 1918-го дело дошло «даже до уличной драки»⁵³.

По воспоминаниям Л. Брик:

⁴⁸ Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего. С. 222 (коммент.).

⁴⁹ Показательно, что Зиновий Паперный, записывая рассказ Л.Брик об этой истории, перепутал 1919 (1918) год с 1914-м (См.: Паперный З. «Если я чего написал...»).

⁵⁰ Генис А., Волков С. Чуковский – в стихах и скандалах // Радио «Свобода». 2015. 23 ноября. = <<http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/radioperedachi/a-genis-s-volkov-chukovskij-v-stixax-i-skandalax>

⁵¹ Сарнов Б. У Лили Брик // Континент. 2005. № 124. = <<http://magazines.russ.ru/continent /2005/124/sar23-pr.html>

⁵² «Он и его брат Александр приходились Брикам соседями (жили на Литейном, 46); были детьми богатого лесопромышленника; находились с Каганами в дальнем родстве, почему Жак и называл Лиллю шутя своей теткой» (Быков Д. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. – М.: Молодая гвардия, 2016. С. 196).

⁵³ Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего. С. 201. Подробнее см.: Иванова Е. Чуковский и Маяковский. С. 191 – 193. «Да и не было у Володи никогда никакого сифилиса!» – в сердцах скажет Л. Брик в 1960-е годы Бенедикту Сарнову, добавив «без тени смущения»: «Триппер – был» (Сарнов Б. У Лили Брик).

«Володя сказал нам [с Осипом], что встретил И[зраилевича] на улице, что бросился на него и произошла драка. Подросла милиция, обоих отвели в отделение. И[зраилевич] сказал, чтобы оттуда позвонили Горькому, у которого И[зраилевич] часто бывал, и обоих отпустили. Володя был очень мрачен, рассказывая все это, и показал свои кулаки, все в синяках, так сильно он бил И.»⁵⁴.

Роман Яacobсон в 1977 году рассказывал об этой истории Б. Янгфельдту иначе, утверждая, в частности, что при драке присутствовал Горький:

«Маяковский очень ревновал Лилю к человеку, которого звали Жак. Жак был настоящий бретер, очень неглупый, очень по-своему культурный, прожигатель денег и жизни. <...> После революции Жак одно время очень подружился с Горьким. Он был человек, который всегда оказывал услуги. Как-то Володя встретился с Жаком на улице. Тот шел с Горьким. Один другого подцепил, вышло что-то вроде драки, после чего Горький страшно возненавидел Маяковского»⁵⁵.



Б.Григорьев. Портрет Я. Израилевича. 1916

Если бы Маяковский знал, что именно Израилевич является автором клеветы о сифилисе, то он бил бы его, очевидно, еще сильнее. Хотя высказывалось предположение, что Маяковский мог бить Израилевича именно за клевету⁵⁶ – в таком случае все его «рассказы» о Чуковском-«информаторе» ставятся под сомнение. Утверждение некоторых биографов поэта о том, что «интересы» Израилевича и Чуковского сошлись в

⁵⁴ Янгфельд Б. Ставка – жизнь / Пер. со швед. А. Лавруши и Б. Янгфельдта. – М.: КоЛибри, 2009. С. 145. Досталось, очевидно, и самому поэту, якобы потерявшему в драке вставные зубы: «Вставные зубы выбил подрвавшийся с ним из ревности на улице Жуковского неудачливый поклонник Лили Юрьевны...» (Миклашевская Т. В дни февральской революции // Маяковский глазами современниц / Сост. В. Терехиной. – СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2014. С. 154).

⁵⁵ Яacobсон Р. Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. С. 63 –64.

⁵⁶ Быков Д. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. С. 195

желании поссорить его с Горьким, и что они действовали сообща⁵⁷, – является абсолютно голословным и ни на чем не основанным. Чуковский, насколько нам известно, никогда клеветом Израилевича не был, а в его дневниках имя *Жака* встречается лишь один раз – как сердечного друга Горького, который зимой 1921 выгнал из дома свою служанку только за то, что та назвала Израилевича «жидом» – в ответ на его хамское поведение⁵⁸.

Вопрос о том, знал ли Маяковский на самом деле о том, что сплетня исходила от Израилевича – остается открытым. Что касается Л. Брик, то она только в 1970-е годы, готовя свой архив к сдаче в РГАЛИ, сделала пометку к вышеприведенной записке Горького о «докторе»: «...недавно я узнала, что всё это жаковская брехня...». Примечательно, что ее запись, сделанная карандашом, «кем-то была вычеркнута, а дальнейший текст отрезан»⁵⁹.

Любопытно также, что еще в 1919 году она публично назвала Израилевича за что-то «говном»⁶⁰, но общаться с ним не перестала – по крайней мере, в начале декабря 1920 года, когда она приехала с Маяковским из Москвы в Петроград, «знавший всех», «всюду проникающий» Жак как ни в чем не бывало встречал ее в Доме искусств, где, знакомя ее с представителями питерского бомонда, не стесняясь намекал при этом на свои прежние с ней «особые отношения», на свою дружбу с чекистами и т. д.⁶¹ (супруге режиссера К. Миклашевского он показался при этом «сплетником по призванию»⁶²).

Открытым – как мы отметили выше – остается и вопрос о том, когда об Израилевиче как разносчике «брехни» узнал Виктор Шкловский. Известно лишь, что долгие годы он был его другом, и что впервые он назвал его имя – как предполагаемого виновника ссоры Маяковского и Горького – в 1968 году, в беседе с В. Дувакиным: «*Видите, я думаю, что это <...> Израилевич сделал, поссорил их*»⁶³. Между тем в книге «О

⁵⁷ Янгфельд Б. Ставка – жизнь. С. 148; Ваксберг А. Загадка и магия Лили Брик. С. 67.

⁵⁸ Чуковский К. Собр. соч. Т. 11. С. 317.

⁵⁹ Горький М. Полное собр. соч. Письма в 24 т. Т. 12. С. 549 (коммент.).

⁶⁰ Азарх-Грановская А.В. Беседы с В.Д. Дувакиным. – М.: Мосты культуры, 2001. С. 39.

⁶¹ Миклашевская Л., Катерли Н. Чему свидетелями мы были. Женские судьбы. XX век. – СПб.: ЗАО Журнал «Звезда», 2007. С. 145, 119, 161, 163.

⁶² Там же. С. 171.

⁶³ Дувакин В. Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском. – М., 2017. С. 162. = <<http://oralhistory.ru/talks/orh-67-68/text?hl=3734e2c>>. В другой «расшифровке»: «Потом он страшно <нрзб.> Марии Федоровне Андреевой. Он был очень <нрзб.> принят в доме Горького, и, может быть, он был человеком, который поссорил Горького с... <Маяковским>» (Там же).

Маяковском» (1940), писавшейся в дни процессов над «убийцами» Горького⁶⁴, Шкловский «к обеду», что называется, виновником ссоры назвал литературного секретаря Горького П. Крючкова, к тому времени уже расстрелянного:

«Тот человек, который поспорил Горького с Маяковским, очевидно, долго оставался при доме, потому что и в год смерти Маяковского Горький еще не разубедился в своем осуждении поэта. Значит, кто-то поддерживал в доме устойчивость отравы. Я убежден, что этот человек был Петр Крючков»⁶⁵.

При последующих изданиях своей книги пассаж о Крючкове Шкловский снял.

Единственной прямой свидетельницей «брехни» Израилевича, оставившей об этом воспоминания, была М. Ф. Андреева, проживавшая в конце 1910-х годов, в числе других чад и домочадцев, в «коммунальной» горьковской квартире на Кронверкском проспекте. Но ее устные воспоминания о Маяковском, записанные В. Перцовым еще в 1938 году, без купюр были опубликованы только в 2014-м:

«Вокруг Алексея Максимовича всегда было много и хорошего народа, и разной дряни. Среди последних был некий Израилевич Яков Львович. У него была кличка Жак. И этот Жак был безумно влюблен в Лилю Юрьевну Брик. Это было смешно – его соперничество с Маяковским: Моська, которая лает на слона. Он ведь как личность был ничтожен, такой лгунишка. Он пришел к Алексею Максимовичу и сказал (извините за физиологические подробности), что будто бы Маяковский изнасиловал какую-то гимназистку, заразил сифилисом, еще что-то. Алексей Максимович принял это горячо и очень рассердился на Маяковского. Поверил Израилевичу, тем более, что тот рассказывал эту историю с большой истерикой, со слезами, бил себя в грудь...»⁶⁶.

Имела ли клевета Израилевича 1919 (1918?) года если не прямую, то хотя бы отдаленную «генетическую» связь с «клеветой» Чуковского четырехлетней давности – еще один открытый вопрос в этой истории, узлы в которой еще туже затянули воспоминания Софьи Сергеевны Шамардиной – местами, за давностью событий, грешащие простительными анахронизмами, а местами весьма тенденциозно описывающие роль и место Чуковского в ее жизни (гипотеза о «редактировании» ее воспоминаний Лилей

⁶⁴ Отмечено Д. Быковым: *Быков Д.* 13-й апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. С. 47.

⁶⁵ Шкловский В. О Маяковском. – М.: Сов. писатель, 1940. С.117 – 118.

⁶⁶ См.: *Андреева М.* Из воспоминаний // Маяковский глазами современниц. С. 143. Дочь М. Ф. Андреевой, Е. Желябужская, оставила о нем такое свидетельство: «Бывал постоянно Яков Израилевич, сын богатых родителей (между прочим, сестра его была замужем за самым богатым сахарозаводчиком Украины!), человек без определенных занятий, промышлявший маклерством, главным образом антикварных предметов. Как он попал в дом, не знаю. Он появился в 1918 году, когда я была в Москве» (*Желябужская Е.* О Горьком // *Совершенно секретно.* 2000. № 11/162. Ноябрь. = <<http://www.sovsekretno.ru/articles/id/920/>>).

Юрьевной Брик остается в силе, но, за исчезновением рукописи, едва ли теперь может быть доказана). Приведем лишь один характерный пример: Шамардина пишет, что, несмотря на свою жажду материнства, была вынуждена сделать поздний аборт из-за страха «иметь больного урода» – страха, который ей якобы внушили ее «спасатели»⁶⁷. На самом деле, благодаря сохранившимся письмам, мы знаем, что «спасатели» ничего ей не внушали, и что Шамардина испытывала к ним одну только бесконечную благодарность за хлопоты по организации медицинской помощи: и Руманову, и своему Чуксу. Первому она писала перед отъездом на родину, в апреле 1914-го:

*«Милый Аркадий Вениаминович, уезжаю. До свиданья! Когда вернусь, не знаю. Может быть никогда. Если приеду – приеду новой. Если из меня когда-нибудь выйдет что-нибудь не очень пустое и не очень гадкое – то только из-за Чукса. Когда я думаю о нем – я хорошая и сильная – всё могу. Привет ему от меня большой...»*⁶⁸.

О существовании воспоминаний Шамардиной Чуковский не подозревал и, как было сказано выше, так и не узнал до конца жизни, что являлся «клеветником» и «информатором»...

Небольшой постскрипtum к истории с «милой курсисткой».

Маяковский весной 1914-го разъезжал по стране с очередным турне и с Шамардиной, если верить ее словам, встретился в Москве только летом, якобы имея на нее еще какие-то «виды» (о том, что и в 1915-м, «лилином» году, она еще признавалась ему в любви⁶⁹, в воспоминаниях ни слова – «редактура»?). В 1922 году Шамардина не просто имела несколько встреч с Маяковским, но и, вместе со своим мужем, предсовнаркомом Белоруссии Иосифом Адамовичем (1896 – 1937), вошла в дружеский круг «семейства» Бриков. Л. Брик в 1960-е годы вспоминала эту пару теплым словом: «Мы – Володя, Ося, я очень [были] дружны с ними»⁷⁰.

⁶⁷ Шамардина С. Футуристическая юность. С. 21 – 22.

⁶⁸ Иванова Е. Чуковский и Маяковский. С. 176. С Румановым Шамардина переписывалась вплоть до 1917 года, ему первому написала о рождении сына и т. д. О ее переписке с Румановым см.: Яковлева Е. «Артистка-футуристка» Софья Шамардина: 1913 – 1917 годы (по материалам архива А. В. Руманова) // Маяковский продолжается. Сб. научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 3. – М.: ГММ, 2016. С. 56 – 64.

⁶⁹ Чудом сохранилось ее любовное «письмо-секретка», датированное 20 июля 1915 г.: письмо было случайно найдено в 1980-е годы при перестройке бывшего дома Нирнзее, в нише за старинным зеркалом (См.: Коваленко С. «Звездная дань». Женщины в судьбе Маяковского. С. 156 – 158).

⁷⁰ Лиля Брик – Эльза Триоле. Неизданная переписка (1921 – 1970) / Сост., вступ. ст. В.В. Катаняна. – М.: Эллис Лак, 2000. С. 472. В дневнике Чуковского отмечена одна его встреча с И. Адамовичем и С. Шамардиной – в

Северянин весну 1914-го провел в Петербурге, «романя» с Л. Рындиной, и со своей Сонечкой встреч больше не искал. В своих благостно-мемориальных «Заметках о Маяковском» (1931) о былом «романе» с ней он написал в самых общих чертах – в виде посткомментария к своей автобиографической поэме:

«Софья Сергеевна Шамардина (“Сонка”), минчанка, слушательница высших Бестужевских курсов, нравилась и мне, и Маяковскому. О своем “романе” с ней я говорю в “Колоколах собора чувств”. О связи с В.В. я узнал от нее самой впоследствии. В пояснении оборванных глав “Колоколов собора чувств” замечу, что мы втроем (она, В. Р. Ховин и я) вернулись вместе из Одессы в Питер. С вокзала я увез ее, полубольную, к себе на Среднюю Подъяческую, где она сразу же слегла, попросив к ней вызвать А. В. Руманова (петербургского представителя “Русского слова”). Когда он приехал, переговорив с ней наедине, она после визита присланного им врача была отправлена в лечебницу на Вознесенском проспекте (против церкви). Официальное название болезни – воспаление почек. Выписавшись из больницы, Сонка пришла ко мне и чистосердечно призналась, что у нее должен был быть ребенок от В. В. Этим рассказом она объяснила все неясности, встречающиеся в “Колоколах собора чувств”»⁷¹.

«Это не отношение, а шутка...»

В деловой суете и в грохоте начавшейся войны история с Сонкой (с августа 1914-го работавшей сестрой милосердия в Красном Кресте) в начале 1915 года отошла для Чуковского на десятый план; «простил» он как будто и Маяковского: встретившись с ним весной того же года в Москве, любезно пригласил его, бежавшего от «военщины», в Куоккалу, куда поэт, выиграв 65 рублей в карты, не преминул приехать во второй половине мая⁷².

феврале 1927 года – в гостях у писательницы Сейфуллиной. Запись об этой встрече никаких следов «былого» не содержит (См.: Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. Дневник 1922 – 1935. С. 299).

⁷¹ Северянин И. Заметки о Маяковском. С. 394.

⁷² «Май. Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала» (Маяковский В. Я сам). Концом мая датирован его рисунок в «Чукоккале» Николая Евреинова; 7-м июня – рисунок, изображающий спорящих друг с другом Чуковского и Репина; 15-м июня – портрет Чуковского, созданный в его куоккальском кабинете (Куоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского / Сост., подгот. текста, прим. Е.Чуковской. – М.: Русский путь, 2006. С. 107, 112 – 113). Все даты в альманахе указаны, судя по всему, по «российскому», юлианскому, а не григорианскому календарю, по которому Финляндия, как и Швеция, жила с середины XVIII века, в начале XX пользуясь, впрочем, и календарем «российским». С сожалением приходится признать, что в «Хронике жизни и деятельности» Маяковского, составленной В. Катаняном, «старый» и «новый» стили далеко не всегда унифицированы: дневниковые записи Б. Лазаревского 1915 года и ряд «финских» писем того же времени даются в ней по н. ст., даты публикаций Маяков-

«Вскоре после нашей встречи в Москве Маяковский переехал в Куоккалу. Постоянного жилья у него не было, – вспоминал Чуковский. – Он жил то у меня, то в гостинице Трубе (недалеко от станции), то у художника Ивана Пуни. Об этом времени он в своей автобиографии писал: “Семизнаковая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье ‘ем’ Чуковского, в понедельник – Евреинова⁷³ и т. д. В четверг было хуже – ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень – это не дело. Вечера шатаюсь пляжем. Пишу ‘Облако’”.

Здесь Маяковский допустил две неточности, – добавляет Чуковский, – о которых я впоследствии говорил ему, и он обещал их исправить. Во-первых, приемные дни в Пенатах у Репина были не четверги, а среды, а во-вторых, он “ел” меня не только по воскресеньям. В то время ему было двадцать три года и аппетит у него был колоссальный»⁷⁴.



В столовой «Пенатов» И. Репина. Июнь 1915. Маяковский третий справа, Чуковский – рядом с ним.

Один день, 20 июня (3 июля по «финскому» календарю), Маяковский «ел» и своего тогда еще «почитателя» Максима Горького – в Мустамяках – предварительно отослав ему уведомительную записку о визите и получив на него добро («Буду рад видеть Вас. Если можно – приезжайте к часу, к завтраку. Всего добро!»⁷⁵).

ского в «Новом сатириконе» по ст. ст. и т. д. В результате пребывания поэта в Куоккале «продляется» местами до 7-го, а то и до 16 июля 1915 г.

⁷³ 13 (26) июня 1915 года Николай Евреинов писал Василию Каменскому из Куоккалы: «Здесь живет Маяковский. В общем, “не так страшен черт, как его малюют”. Мы с ним пока в прекрасных отношениях. А Чуковский так не надышится на него...» (Маяковский в переписке современников. С. 395 – 396).

⁷⁴ Чукоккала. С. 102. Разговор о «неточностях» Чуковский завел в феврале 1923 г. (интересно, воспринимался ли он Маяковским в тот момент уже как «информатор»). Но на самом деле разговор шел не о «неточностях», а совсем о другом: «Я при Л.Ю. Брик сказал ему, что его упоминание о нас в автобиографии нагло, что ходил он ко мне не из-за обедов и проч.» (Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. Дневник 1922 – 1935. С. 86).

⁷⁵ Горький М. Письма в 24 т. Т. 11. – М.: Наука, 2004. С. 181. В автобиографии «Я сам» (1922) о своей встрече с «клеветником» Горьким, к тому времени уже уехавшим за границу, Маяковский вспоминал не менее «на-

Надо сказать, что товарищи-«будетляне» за куоккальско-мустамякскими перемещениями Маяковского наблюдали не без ревности, если не без зависти. Приезжавший в Куоккалу Давид Бурлюк оповещал Василия Каменского, что Маяковский у Чуковского, «усиленно карьеристствует <...> уже книга и уже предисловие»⁷⁶. Имелась в виду книга стихов Маяковского «Для первого знакомства», которую поэт составлял вместе с критиком – к немалому удивлению не только «будетлян», но и всей литературной братии. Удивляло и то, что «кусачий» критик не только подружился с «симулянтом сумасшествия», но и взялся писать предисловие к его книге. Договор о ее выпуске предположительно был заключен с издательством еженедельника «Новый сатирик», где Маяковский публиковался с февраля 1915 г. «в рассуждении чего б покушать»⁷⁷.

Автор литературной хроники еженедельника «Журнал журналов», в одном из июньских номеров 1915 года, в заметке с ядовитым названием «Пути карьеры», иронизировал над новым «творческим союзом»:

«Владимир Маяковский проходит сейчас в Куоккале под руководством Корнея Чуковского “курс хорошего тона”. Футуристическому поэту и художнику вменено в обязанность каждую неделю написать пару понятных строчек. <...> Маяковский проделывает все это очень старательно, с большим прилежанием. И неудивительно: всякому лестно попасть в “Ниву” (Чуковский был штатным сотрудником этого многотиражного еженедельника – В.Д.). “Каждый человек желает быть дьяконом”. Ради такой перспективы можно и футуризмом пожертвовать»⁷⁸.

Понятно, что не терпевшего над собой никакой опеки поэта-бунтаря подобного рода ехидные замечания не могли не злить, но, как бы то ни было, до первых чисел июля (по ст. ст.) установленная им «семипольная» система сбоев как будто не давала, поэма «Облако в штанах» уже дописывалась (каждое утро Маяковский «выхаживал» и

гло», чем о визитах к Чуковскому: «Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части “Облака” Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете. Всё же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея». Горький, в свою очередь, плачущим в ту встречу запомнил самого Маяковского: «Стихи очень понравились мне, – делился он в 1930 году воспоминаниями о поэте со своим будущим биографом И. Груздевым, – и читал он отлично, даже разрыдался, как женщина, чем весьма испугал и взволновал меня...» (Цит. по: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. – М., 1985. С. 106).

⁷⁶ Маяковский в переписке современников. С. 395 – 396.

⁷⁷ К этому времени в «Новом Сатириконе» были опубликованы его стихотворения «Гимн судьбе» (26 февр.), «Гимн ученому» (19 марта), «Военно-морская любовь» (18 июня) и «Гимн здоровью» (2 июля).

⁷⁸ Соломин Ип. Пути карьеры // Журнал журналов. 1915. № 10. С. 24.

«выбарматовал» ее на берегу Финского залива) – и вдруг, в одночасье, вся куоккальская идиллия рассыпалась карточным домиком: 5 июля, за день до своего дня своего рождения, поэт неожиданно и, судя по всему, не без скандала, Куоккалу покинул, оставив там, по позднему свидетельству Лили Брик, и некую «даму сердца, и все свои вещи, и белье у прачки»⁷⁹; а 9 июля – в «Новом сатириконе» появился его злой «Гимн критику», начинавшийся с родословной адресата:

От страсти извозчика и разговорчивой прачки⁸⁰
Невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик – не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критик.

Отец Чуковского не был извозчиком, но мать его, Екатерина Корнейчукова, дочь крепостного, действительно работала какое-то время, ради хлеба насущного, прачкой, имея на руках двух внебрачных детей от потомственного Почетного гражданина Одессы Эммануила Левенсона, который вскоре после рождения сына ее покинул⁸¹.

Чуковский, стыдясь своей незаконнорожденности, никому не рассказывал про «мамин секрет» – и Маяковский узнал о нем, очевидно, совершенно случайно, во время неожиданного приезда в Куоккалу тем летом Э. Левенсона⁸². Его приезд документаль-

⁷⁹ Брик Л. Пристрастные рассказы. Воспоминания. Дневники. Письма. – М.: Деком, 2003. С. 25. Одна из «серебряновековых» *нежных европейок*, Вера Гартевельд, спустя полвека напишет в своих мемуарах, что в Куоккалу за Маяковским приезжала Лиля Брик, что можно воспринимать исключительно как аберрацию памяти (См.: Терехина В. «Все мы бражники здесь, блудницы...» Ахматовские сюжеты в воспоминаниях Веры Гартевельд // Авангард и остальное. Сб. статей к 75-летию А. Е. Парниса. – М., 2013. С. 421).

⁸⁰ Как отметил А.Е. Парнис, первая строка стихотворения почти полностью анаграммирует фамилию критика.

⁸¹ Подробнее см.: Панасенко Н. Чуковский в Одессе // *Егунец* (альманах). 2002. № 11; Чуковская Л. Памяти детства // Она же. Сочинения в 2 т. Т. 1. Повести. Воспоминания. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. С. 295 – 298; Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. С. 209 – 210; Воспоминания о Корнее Чуковском. – М.: Сов. писатель, 1983. С. 326. В рассказе для детей «Серебряный герб» Чуковский много позже напишет: «Мама моя была чернобровая, осанистая, высокая женщина. Лицо ее, красивое и правильное, кое-где было тронут оспой, потому что родилась она в крестьянской семье, где натуральная оспа была обычной болезнью. Я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь называл мою маму прачкой, и очень удивился бы, если б услышал. Между тем в ту зиму она, не разгибая спины, стирала чужое белье, и деньги, получаемые ею за стирку, были, кажется, ее единственным заработком» // <<http://www.skazayka.ru/serebryanyiy-gerb/>

⁸² Иванова Е. Чуковский – Харджиев – Маяковский: о ком был написан «Гимн критику»? // *Вопросы литературы*. 2014. № 6. С. 207. = <<http://magazines.russ.ru/voplit/2014/6/8i.html>.

но подтверждается воспоминаниями Лидии Чуковской, в свои восемь лет запомнившей, что встречать дедушку на станцию ездил один папа, что дедушка всем привез подарки (ей – куклу), и что в тот же день папа почему-то выставил дедушку из дома, широко и категорическим жестом распахнув перед ним калитку⁸³.

О присутствии в доме в это время Маяковского мемуаристка не упоминает, но, похоже, что поэт стал свидетелем не только «дедушкиного» визита как такового, но и, очевидно, стал свидетелем скандальной беседы Чуковского с отцом, который *любил поспорить*:

Отец, в разговорах вспоминая родословные,
любил поспорить о правах материнства.
Такое воспитание, светское и салонное,
оберегало мальчика от уклона в свинство.

«В этом памфлете, – пишет Евгения Иванова, – у критика как бы даже два отца, в первой строфе это извозчик, который никак не мог быть прогрессистом, рассуждающим о правах материнства; <...> Ясно, что потомственный Почетный гражданин г. Одессы гораздо больше подходил на роль прогрессиста с родословной»⁸⁴.

Центральная поэтическая метафора стихотворения прозрачна: сын прачки как бы продолжает мамино дело, полоща чужое писательское белье для собственного пропитания. В финале поэт выражает ему саркастическое сочувствие за тяжелый труд:

Писатели, нас много. Собирайте миллион.
И богадельню критикам выстроим в Ницце.
Вы думаете – легко им наше белье
ежедневно пополаскивать в газетной странице!

Высказывалось предположение, что Маяковский, кроме всего прочего, намекал здесь на *полоскание* критиком-«прачкой» белья Алексея Крученых, «грязнули свинофила», любящего *навоз* и т. д. Оппонируя Чуковскому, Маяковский воскликнул как-то на одном из диспутов осени 1913 года: «Я люблю грязную поэзию Алексея Крученых»⁸⁵!

⁸³ Чуковская Л. Памяти детства. С. 298.

⁸⁴ Иванова Е. Чуковский – Харджиев – Маяковский. С. 207.

⁸⁵ <Б.п.> Среди футуристов // *День*. 1913. № 303. 8 ноября.

С другой стороны – за критику поэзии, вносящей «обывательское свинство в печатное слово», Чуковский тогда же заслужил публичную благодарность от Дмитрия Философова, похвалившего его за «мужественное исполнение роли ассенизатора»⁸⁶.

Звания «свинофила» Крученых заслужил за такие, в частности, лирические «мечтания»:

... в покои неги удалился
лежу и греюсь близь свиньи
на теплой глине
испарь свинины
и запах псины
лежу добрею на аршины...

«Свинья, рвота, навоз, ослы – такова его жестокая эстетика, – чехвостила “свинофила” критик. – Он и книжечку свою озаглавил: “Поросята”. <...> Всякая грация, нежность, всякая душевная нарядность отвратительны ему до тошноты. <...>»⁸⁷.

Спустя полстолетия Чуковский утверждал, что «Гимн критику», написанный Маяковским чуть ли не за его столом, он якобы и не подумал отнести на свой счет. Напоминая, что «Гимн» был написан в его присутствии, он – уже незадолго до смерти – уверял биографа Маяковского В.А. Катаняна:

«Конечно, ни Маяковскому, ни мне не пришло в голову, что найдутся люди, которые увидят в “Гимне критику” намек на меня»⁸⁸.

На самом деле «намек» был Чуковским, конечно же, понят сразу, но свою «проницательность» ему надо было как-то скрыть, что и навело его, очевидно, на мысль сделать список с черновой рукописи «Гимна» своей собственной рукой. *«Найти другой путь отвести от себя подозрения в “прототипичности” критика “кухаркину сыну” было трудно»,* – резонно заметил в этой связи современный исследователь⁸⁹.

Но этого для «отведения от себя подозрений» Чуковскому показалось, видимо, недостаточно. В начале декабря 1920 года, когда Маяковский приехал на несколько

⁸⁶ Футуристы. Первый журнал русских футуристов. – М., 1914. № 1-2. С. 128 – 129; См.: Гаспаров Б. Мой до дыр // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 310 – 311.

⁸⁷ Чуковский К. Эго-футуристы и кубо-футуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 22. С. 115. См. прим. 6.

⁸⁸ Катанян В. К истории одной не вышедшей книги Маяковского // Русская литература. 1979. № 2. С. 157.

⁸⁹ Кацис Л. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. – М.: РГГУ, 2004. С. 107.

дней в Петроград, поселившись в Доме Искусств, Чуковский, похоже, придумал хитроумный способ вытянуть из него признание в том, что «Гимн критику» не направлен лично против него.

В тот приезд Маяковский мимоходом, в присущей ему шутливо-пренебрежительной манере, отозвался тремя стихами-частушками на лекцию Чуковского «Две России (Ахматова и Маяковский)», в которой «тихая» Ахматова противопоставлялась ему, «громоподобному».

«Так как в ту пору он много работал в РОСТА, – вспоминал Чуковский, – он и эти стишки озаглавил “Окно сатиры Чукроста” и, когда записывал их, проиллюстрировал каждое четверостишие особым рисунком, в стиле своих агитационных плакатов. Первое четверостишие было такое:

Что ж ты в лекции поешь,
Будто бы громила я,
Отношение мое ж
Самое премилое.

Последнее:

Скрыть сего нельзя уже:
Я мово Корнея
Третий год люблю (в душе)
Аль того ранее»⁹⁰.

Стоит заметить, что на третьем рисунке критик изображен с огромным красным носом (*хорошеньким, как построчный пятачок*).

⁹⁰ Чуковский К. Маяковский // Он же. Собр. соч. Т. 5. Современники. С. 248. Д. Быков задался вопросом: «Не вполне понятно, почему “третий год”, когда знакомы они были уже семь лет; предположить, что любовь началась только после Октября, – трудно, да и с чего бы?» (*Быков Д.* 13-й апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. С. 164). Однако Чуковского именно это и могло задеть: намек на то, что до Октября любви никакой не было.

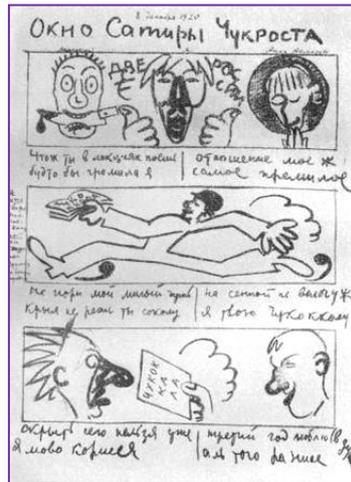


Рис. Маяковского в «Чукоккале». 8 декабря 1920.

В третьей частушке, как пишет Чуковский в своих воспоминаниях, якобы «кто-то из присутствующих» уловил «ядовитый намек» на «Гимн критику», «не без ехидства» сообщив об этом поэту, на что «Маяковский усмехнулся, промолчал и ни словом не возразил говорившему»⁹¹.

Мы не знаем, действительно ли всё так и было, или «ехидный» имярек был Чуковским придуман (в его дневнике вышеописанный эпизод не получил, кстати, никакого отражения), но, как бы то ни было, далее он пишет в воспоминаниях о том, что, перечитав в тот же вечер «Гимн», почувствовал себя «горько обиженным» и немедленно послал поэту письмо (несохранившееся), в котором просил того – как «простого и прямого человека», – развеять его подозрения. Ответ он получил сразу же и вполне дружелюбный:

«Дорогой Корней Иванович.

К счастью, в Вашем письме нет ни слова правды.

Моё “Окно сатиры” это же не отношение, а шутка и только. Если бы это было – отношение – я моего Критика посвятил бы давно и печатно.

Ваше письмо чудовищно по не основанной ни на чем обидчивости.

И я Вас считаю человеком искренним, прямым и простым и, не имея ни желания, ни оснований менять мнение, уговариваю Вас: бросьте!

Влад. Маяковский.

Бросьте!

⁹¹ Чуковский К. Неопубликованное письмо Маяковского // Маяковский. Материалы и исследования. – М.: Госиздат, 1940. С. 35 – 36.

Автограф этого письма Чуковский хранил почти двадцать лет, после чего опубликовал его факсимиле в 1940 году, в статье «Неопубликованное письмо Маяковского»⁹³. Позднее автограф не републиковался, а после смерти Чуковского был кем-то и где-то «утерян».

В 1960-е годы, готовя цикл статей о Маяковском (еще при жизни Чуковского), этот автограф сознательно отказался републиковать Николай Харджиев, заподозрив в нем следы «мистификации»: ему показалось, что «Чуковский внес исправление в текст и изменил его дату»⁹⁴: «*Моё “Окно сатиры”*» изначально читалось будто бы как «*Мой “Гимн критику”*», и письмо было датировано будто бы не 1920-м, а 1915-м годом (На факсимиле, опубликованном Чуковским, дата отсутствует).

В настоящее время автограф письма Маяковского, как было сказано, утрачен и мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть выводы Харджиева.

Не обошел своим вниманием исследователь и историю с неизданной книгой Маяковского. В 1968 году он опубликовал статью «Неизданная книга Маяковского “Для первого знакомства”», в которой упомянул, в частности, про анонсы о выходе этой книги в печати конца июня – начала июля 1915 года. «Журнал журналов», иронизировавший в июне по поводу необычного союза поэта-«хулигана» и его критика, в начале июля сообщал, не без иронии, что «*Вл. Маяковскому уже надоело, очевидно, состоять в футуристах*», и что «*на днях он выпускает новую книгу почти совсем уже “понятных” произведений. Предисловие к книге написал...* (именно так – с недоуменным многоточием – *В.Д.) Корней Чуковский*»⁹⁵.

⁹² Там же. С. 36; Письма Маяковского к разным лицам (1913 – 1930) / Публ. В. А. Катаняна // Лит. наследство. Т. 65. – М.: Наука, 1958. С. 185 – 186.

⁹³ Чуковский К. Неопубликованное письмо Маяковского. С. 34 – 35.

⁹⁴ Иванова Е. Чуковский и Маяковский. С. 186.

⁹⁵ Журнал журналов. 1915. № 12. С. 24. В корректурных гранках книги уже стоял штамп типографии «Коммерческая скоропечатня, СПб., Лиговская, 67». Писатель Б. Лазаревский 25 июня в Куоккале сообщил Маяковскому приятную новость: что его книгу выразил желание издать известный купец, меценат и издатель М. Ясный, на что поэт почему-то лишь отмахнулся: «Мне 16 издателей предлагают свои услуги...» (*Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. С. 522*).

Анонсированная книга, однако, так и не вышла – о причинах ее невыхода Чуковский позже предпочел умолчать, сославшись на забывчивость: «Почему книга не вышла из печати, не помню»⁹⁶.

На основании того, в частности, что сохранившийся сверстаный первый лист книги (который Харджиеву предоставил еще в 1932 году Алексей Крученых) и ее гранки не содержали в себе ни текста предисловия Чуковского, ни текста злополучного «Гимна критику», Харджиев высказал предположение, что книга в 1915 году не вышла из-за размолвки поэта и критика:

*«Отсутствие предисловия в сверстанном первом листе объясняется, по всей вероятности, тем, что в самом конце июня у Маяковского произошла размолвка с Чуковским, который, по его словам, был “горько обижен” стихотворением “Гимн критику”»*⁹⁷.

При этом Харджиев не только не воспроизвел факсимиле вышеприведенного письма Маяковского, но даже не упомянул о его содержании, умолчав и о давней публикации автографа этого письма Чуковским, чем последнего весьма озадачил и огорчил одновременно⁹⁸.

Но что все-таки могло послужить причиной или поводом к написанию «Гимна критику»?

Алексей Крученых записал в 1920-годы такое, полушутливое, свидетельство Маяковского о предыстории его написания:

*«Чуковский мне говорил: “Вот Вы так остроумно разговариваете, Вы бы записали всё это!” Я и записал. Получилось стихотворение. Я посвятил его “критикам”. Чуковскому, не знаю почему, оно не понравилось»*⁹⁹.

«Не знаю почему» – это, естественно, лукавство, а вот то, что стихотворение Чуковскому не понравилось – сомневаться не приходится.

Но о чем мог «так остроумно разговаривать» поэт с критиком? Едва ли свое остроумие Маяковский точил на отвлеченной теме о роли критики в литературе как таковой – куда вероятнее, что разговор вырुлил на конкретную старую добрую тему о

⁹⁶ Чуковский К. Маяковский. С. 246.

⁹⁷ Харджиев Н.И. Из материалов о Маяковском // День поэзии 1968. – М.: Сов. пис., 1968. С. 159.

⁹⁸ В начале 1969 г. Чуковский писал дочери: «Н. И. Харджиев напечатал в “Дне поэзии” статью, задевающую мою честь, умалчивая о письме Маяковского ко мне (1920), где Маяковский, называя меня “прямым и простым человеком”, убеждает, что “Гимн Критику” написан не обо мне...» (Чуковский К., Чуковская Л. Переписка: 1912 – 1969 / Коммент. и подгот. текста Е.Ц. Чуковской. – М.: НЛО, 2003. С. 534).

⁹⁹ Живой Маяковский. Разговоры Маяковского. Записал и собрал А. Крученых. Вып. 1. М.: Изд. «Группы друзей Маяковского», 1930. С. 3.

«футуропитании» отдельных «коммерческих старичков» – тему, которая звучит и в «Гимне»:

Легко смотреть ему, обутому и одетому,
молодых искателей изысканные игры
и думать: хорошо – ну, хотя бы этому
потрогать зубенками шальные икры...

«Классовую» ненависть к критикам футуризма его адепты пронесли, что называется, в годах. Виктор Шкловский в 1930-е годы так, например, трактовал гостеприимство Чуковского в лето 1915 года:

«Владимир прожил трудную жизнь, а Чуковский им торговал. У Володи было на лето 55 рублей. Он был принужден обедать у Чуковского, а Чуковский на лекциях о футуристах тогда заработал 12 тысячч...»¹⁰⁰.

Шкловский при этом как-то сумел «просмотреть», что в 1920-е годы материальное состояние поэта кратно превышало таковое же состояние критика, что «трудную жизнь» вел уже не поэт, а критик – но такова была уже прежняя сила ненависти...

Другим поводом к написанию «Гимна» могло стать вышеупомянутое предисловие Чуковского к книге «Для первого знакомства», – точнее говоря, несогласие Маяковского с содержащимися там оценками его творчества.

В пику «завистливому мерзавцу» Шкловскому Чуковский любил вспоминать о том, что в декабре 1913 года он был единственным критиком, который дал хвалебный отзыв о трагедии «Владимир Маяковский», да еще в «Русском слове»: *«самой распространенной газете, которую редактировал Дорошевич, не любивший Маяковского»¹⁰¹*. Дорошевич, по его словам, уже «от редакции» якобы вставил в его статью фразу о том, что зрители «трагедии», главным образом, «недоумевали и скучали».

Куда менее охотно Корней Иванович вспоминал о том, что свою статью-рецензию ему пришлось писать в присутствии и чуть ли не под диктовку самого Маяковского:

«Заметку эту я писал в ресторане в присутствии и с помощью Маяковского, – рассказывал он Лиле Брик. – Помню, как он хлопотал о том, чтобы она была передана по телефону (так сильно, видимо, “доверял” критику – В.Д.). Вряд ли стал бы он так хлопотать о за-

¹⁰⁰ В. В. Маяковский в переписке современников. С. 395.

¹⁰¹ Чуковский К., Чуковская Л. Переписка: 1912 – 1969. С. 263.

метке, – добавлял не без легкого ехидства Чуковский, – в которой [бы] говорилось, что его трагедия скучна»¹⁰².

О чем «хлопотал» Маяковский при обсуждении предисловия к его книге, мы можем только догадываться, но то, что именно предисловие стало камнем преткновения на пути к ее изданию, косвенно дал понять сам Чуковский – в письме к В.А. Катаняну от 27 января 1967 г. Отрицая факт летней ссоры или даже «размолвки» с поэтом, и выражая, в связи с этим, свое «непонимание» «инсинуаций» Николая Харджиева на эту тему, он признавал, тем не менее:

«...Возможно, что предисловие было мною написано, и что без всякой “размолвки” оно не понравилось Маяковскому. Я вообще ни разу в жизни не писал критических отзывов, чтобы понравиться тому, кого я критикую. Как литературный критик я всегда превыше всего ценил и ценю свободу литературных суждений. Только в рабьем обществе могут слагаться фальшивые мнения, будто репутация критика зависит от его отношений к официально признанным литературным кумирам. Меньше всего я притязаяю на то, чтобы выставлять себя другом Маяковского, конечно, наши литературные взгляды были слишком различны...»¹⁰³.

Стоит ли напоминать о том, что, признавая большой талант поэта, и сочувствуя боли и ушибу его лирического героя, «стоящего на границе отчаяния и сумасшествия», Чуковский никогда не скрывал того, что, при всем при этом звук лиры Маяковского казался ему слишком «однообразным и бедным», а психическая жизнь его героя «однотонной, элементарной и скудной». Да и в его боль и ушиб, по большому счету, ему не всегда верилось и порой хотелось спросить поэта: не потому ли «в самых патетических местах он острит, каламбурит, играет словами – что пафос его не от сердца, что каждый его крик – головной, сочиненный»?

И, наконец, критику хотелось даже пожалеть его:

«Ежедневно создавать диковинное, поразительное, эксцентричное, сенсационное – не хватит никаких человеческих сил. Конечно, уличному поэту иначе и нельзя, но легко ли изо дня в день изумлять, поражать, ошарашивать? Не только нелегко, но и рискованно. Это опаснейшее дело в искусстве. Вначале еще ничего, но чуть это становится постоянной профессией – тут никакого таланта не хватит...»¹⁰⁴.

То, что в своем предисловии Чуковский не изменил своим принципам и не покривил душой, «чтобы понравиться тому, кого он критикует», – или, говоря словами

¹⁰² Чуковский К. Собр. соч. Т. 15. С. 532.

¹⁰³ Катанян В.А. К истории одной невышедшей книги Маяковского. С. 157.

¹⁰⁴ Последний пассаж – более позднего времени, из публичной лекции «Две России. Ахматова и Маяковский», прочитанной осенью 1920 г. в петроградском Доме искусств (Дом искусств. 1921. № 1. С. 23 – 42).

«Гимна», *потрогал зубенками шальные икры* Маяковского – весьма вероятно. А дальше, имея в виду повышенную обидчивость и импульсивность того и другого, легко представить, как Маяковский «громоподобно» выражает свое несогласие с предисловием, а Чуковский – в ответ на это – «колет» его язвительным фальцетом... Заметим, что бить не только письменным, но и устным словом Чуковский при случае умел не хуже Маяковского. Евгений Шварц, работавший его секретарем в 1922 – 1923 гг., уверял, что он частенько, «и почему-то каждый раз нечаянно, совсем против своей воли, смертельно обижал кого-нибудь из товарищей по работе»¹⁰⁵. Другое дело, что нападающей стороной он оказывался при этом почти рефлекторно, из страха быть «битым» первым – защищаясь таким образом от, часто мнимой, кажущейся ему опасности. Эту черту отметила в Чуковском много позже и Ольга Грудцова (ур. Наппельбаум)¹⁰⁶; она же отметила в нем «двойственность» и «многоликость»: он мог неожиданно наброситься с бранью на человека, которому за минуту до этого кланялся в пояс, мог мгновенно отказываться от своих слов и решений и т. д.¹⁰⁷

Итак: мог ли «Гимн критику» быть написан в раздражении на слишком принципиального и не желавшего «понравиться» Маяковскому «кусачего» критика? Мог – и даже более того: он мог быть написан, парадоксальным образом, и по противоположной причине – если бы Чуковский изменил своим принципам и рассыпался в своем предисловии сплошным рафинадом, «чтобы понравиться» молодому таланту. В таком случае Маяковский оказался бы в непереносимой для себя роли «опекаемого», если не «карьеристствующего» (в чем подозревал его Д. Бурлюк). Примечательна в этом смысле дневниковая запись куоккальского соседа Чуковского, украинского писателя Бориса Лазаревского: «Если Маяковского теперь произведут Чуковские и “Сатириканы” в знаменитости, то Маяковский погиб»¹⁰⁸.

Однако могла ли его «творческая» полемика с Чуковским стать причиной спешного, в пожарном порядке, отъезда из Куоккалы? На этот вопрос мы бы ответили отрицательно: полемика вокруг предисловия могла идти не один день, а вот для пожар-

¹⁰⁵ Шварц Е. Белый волк // *Вопросы литературы*. 1989. № 1. С. 190.

¹⁰⁶ В жанре «письма на тот свет» мемуаристка обращалась к Корнею Ивановичу, за которым ухаживала в его последние годы: «...у Вас с детства был комплекс неполноценности. Не из-за него ли была Ваша подозрительность, стремление унижить людей? Вы боялись, что о Вас плохо скажут, и старались заранее сказать плохо о другом. Я как-то спросила Вас об этом, и Вы признались, что я права» (*Грудцова О.* Довольно, я больше не играю... / Публ. Е. Царенковой // *Минувшее: Исторический альманах*. [Т] 19. – М.-СПб.: Ateneum; Феникс, 1996. С. 97).

¹⁰⁷ Там же. С. 92 – 95.

¹⁰⁸ Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. С. 630 (коммент.).

ного бегства была, судя по всему, еще одна, куда более весомая причина: как и полтора года назад, между критиком и поэтом встала женщина.

Художник Иван Пуни сообщал Казимиру Малевичу тем летом, что Маяковского «выкатили из Куоккалы, где он торчал всё время», за «какое-то свинство и его больше не пускают к себе ни Чуковский, ни Евреинов»¹⁰⁹.

В чем заключалось это «свинство», мы достоверно не знаем, и тем не менее...

Мария – дай!

Яблоком раздора между поэтом и критиком суждено было стать жене последнего, 35-летней Марии Борисовне Чуковской (ур. Гольдфельд), в июне 1915 года удовлетворявшей, предположительно, не только кулинарные, но и другие прихоти поэта с «колоссальным аппетитом», которого ревнивый муж, по «семейному преданию», чуть не выкинул по этой причине из окна своего дома.

«По нашим семейным преданиям, тщательно скрываемым, Маяковский в те годы был влюблен в мою мать, и свою любовь к ней изобразил в “Облаке в штанах”, – пишет в своем очерке о Маяковском сын Корнея Ивановича, писатель Николай Чуковский. – Об этом я слышал и от отца, и от матери. Отец вспоминал об этом редко и неохотно, мать же многозначительно и с гордостью¹¹⁰. Она говорила мне, что однажды отец выставил Маяковского

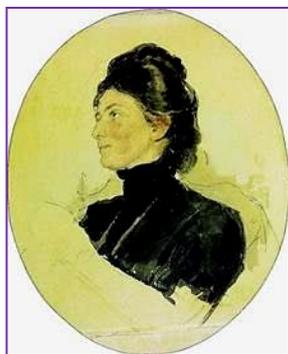
¹⁰⁹ Цит. по: *Шумов А.* Икона красного угла // <http://www.guelman.ru/supremus/ikona.htm>; РО ИМЛИ. Ф. 172. Ед. хр. 971. Л. 10. Свидетелем этого «свинства», судя по всему, были и другие дачники. В этой связи обращает на себя внимание фраза из письма одесского друга Чуковских, журналиста Л. Кармена, гостившего у них летом 1915 года. Уехав с сыном Романом (будущим кинодокументалистом) в августе в Иматру, он писал оттуда М. Б. Чуковской, сидя над водопадом: «Сидим над Иматрой и думаем, что если бы швырнуть в эту толчею Маяковского? С нашим удовольствием...» (*Иванова Е.* Письма журналиста Лазаря Кармена Корнею Чуковскому // Архив еврейской истории. Т. 4. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 242).

¹¹⁰ См.: *Икшин Ф.* Лиля Брик. Жизнеописание великой любовницы. С. 223 – 224. В пандан «семейному преданию», Н. Чуковский утверждал также, что строки поэмы с упоминанием Джека Лондона (*Помните? / Вы говорили: / “Джек Лондон, / деньги, / любовь, / страсть”...*) имели прямое отношение к его матери: «Джек Лондон в те времена был постоянной темой споров между отцом и матерью. <...> Отец никогда не любил Джека Лондона, считал его писателем механическим и пошловатым. Напротив, мама моя Джеком Лондоном зачитывалась, и восхищалась, и восхваляла его на всех куоккальских сборищах, – именно теми словами, которые приводит Маяковский» (Воспоминания Николая и Марины Чуковских / Сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. – М.: Книжный Клуб 36.6, 2015. С. 27 – 28).

из нашей дачи через окно. Если такой эпизод и был, он, кажется, не повлиял на отличные отношения моего отца с Маяковским»¹¹¹.

«Отличные отношения» – это из области мифологии, которую Корней Иванович начал выстраивать сразу после самоубийства поэта, написав о нем идиллические воспоминания, в которых и в помине нет никаких куоккальских «размолвок». И только позднему дневнику он один раз доверил воспоминание о том, как Маяковский влюбился в его жену, и как он его ревновал, выбегая, «как дурак, с биноклем на пляж глядеть, где они прячутся в кустах»¹¹².

«А. И. Парнис, который был вхож в дом Л. Ю. Брик и В. А. Катаняна, рассказывал со слов Лили Юрьевны, что, когда в Куоккале Мария Борисовна и Маяковский далеко заплывали по Финскому заливу, скрываясь из глаз, Корней Иванович в панике метался по берегу, взывая к безумцам»¹¹³.



И. Репин. Портрет М.Б. Чуковской. 1909

О том, что и Мария Борисовна, если не влюбилась в поэта, то отнюдь не избегала в Куоккале его общества, можно косвенно судить по детским воспоминаниям Татьяны Пащенко, приемной внучки экономиста и публициста Н. Ф. Анненского (брата И. Ф. Анненского), летом 1915 г. отдыхавшей в Куоккале со старшими сестрами. По ее воспоминаниям, Маяковский любил играть с ними, детьми, в крокет и «играл с не меньшей страстью», чем они. Племянница И.Ф. Анненского, Татьяна Богданович, дачу которой в Куоккала Маяковский нередко посещал вместе с Чуковским, подтверждает:

«Крокетист он был гениальный, не было таких ворот, каких бы он не мог пройти с любой позиции, такого шара, в который бы он не попал с любого расстояния. Корней Ивановича

¹¹¹ Там же. С. 27. Тем же летом, по словам Н. Чуковского, в поэта «пылко была влюблена одна куоккальская дачевладелица, некая г-жа Блинова. <...> Над ее безнадежной любовью к Маяковскому потешался весь куоккальский кружок...» (Там же. С. 26).

¹¹² Чуковский К. Собр. соч. Т. 12. С. 399.

¹¹³ Коваленко С. «Звездная дань». Женщины в судьбе Маяковского. – М.: Эллис Лак, 2006. С. 162.

даже возмущало это увлечение, тем более, когда игра начиналась днем, т. к. К.И. ложился днем спать, а стук шаров с нашей дачи мешал ему...»¹¹⁴.

«Конечно, иногда возникали досадные препятствия, – добавляет к этому Т. Пащенко. – Например, вдруг, появлялась Мария Борисовна Чуковская и властно заявляла: “Маяковский, я иду к портнихе, проводите меня”. Мы умоляюще стонали: “Владимир Владимирович!” Но он почему-то сразу повинуется и уходит, бросая на ходу: “Девочки, оставьте всё как есть, мы потом доиграем”. Мы, конечно, не слушаемся и доигрываем без него. Ясно, что сегодня он уже не вернется»¹¹⁵.

Определенную пикантность отношениям автора поэмы «Облако в штанах» и его критика придавало то, что «собирательную» героиню поэмы, как и жену Чуковского, звали Марией, которой, как известно, лирический герой поэмы не только пылко признавался в любви, но и которую прямым текстом просил ему отжаться. В один прекрасный вечер Маяковский громогласно продекламировал на террасе дома Чуковского:

Мария, ближе!
В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:

.....

Мария!
Поэт сонеты поет Тиане,
а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
как просят христиане –
“хлеб наш насущный

¹¹⁴ Маяковский в Куоккале (Письмо Т.А. Богданович) / Публ. В. Катаняна // *Вопросы литературы*. 1965. № 11. С. 164.

¹¹⁵ В минувшем веке. Два детства. Т. А. Пащенко, О. Л. Позднеева. – СПб.: Формика, 2002. С. 18; Об игре с Маяковским в крокет см. также: *Богданович С.* В те баснословные года // Воспоминания о Корнее Чуковском. С. 46, 48 – 49; *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 13. С. 487 – 488. «Взрослые с удовольствием принимали участие в детских играх, – вспоминал свое куоккальское детство академик Д. С. Лихачев. – Дух озорства проявлялся в местном театре, где выступал иногда и Маяковский, читали Репин, Чуковский, ставились подростками фарсы. Мальчишки пели озорные песни про пупсика, “большую крокодилу”, матчиш» (*Лихачев Д.С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. С. 56).

даждь нам днесь”¹¹⁶.

Мария – дай!

Мария!

Имя твое я боюсь забыть

и т. д.

Довольно пикантно в свете вышесказанного выглядит и позднее устное свидетельство Чуковского (из его беседы с Борисом Эйхенбаумом) о том, как и какое слово он подсказал поэту в приведенном выше отрывке. Ранее этот отрывок в составе последней части поэмы был опубликован в сборнике «Стрелец» (1915), где вместо *Мария – дай!* стояло: *Отдайся, Мария!*

В записи Лидии Гинзбург рассказ Эйхенбаума о подсказке Чуковского выглядит так:

«Там был отрывок, который начинался: “Мария, отдайся!”

– Что вы! – сказал Чуковский. – Кто теперь говорит женщине “отдайся”? – просто “дай”!

Так Маяковский создал знаменитое: “Мария, дай”»¹¹⁷.

Любопытно, что царскую цензуру подобная «современная» форма обращения к женщине не смутила, зато предшествующие этому четыре строчки (о *теле* и *хлебе*) она в первом издании поэмы изъяла – очевидно, как оскорбляющие чувства верующих.

Свет на историю ссоры поэта и критика могли бы пролить дневниковые записи последнего, но, увы, дневник 1915 года Корней Иванович «потерял» и «найти» его так и не смог...

¹¹⁶ Ср. у О. Манделъштама в «Мастерице виноватых взоров»: *Полухлебом плоти накорми!* (Подробнее о «хлебной» теме в этом стихотворении см.: *Видгоф Л.* Статьи о Манделъштаме. – М.: Новый хронограф, 2015. С. 182 – 183).

¹¹⁷ *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: «Искусство – СПб», 2002. С. 402.